

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И УРОВНИ СУБЪЕКТНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

.....

И. В. Мирошниченко*

Социальные субъекты выступают одновременно носителями качественных (содержательных) характеристик политической культуры и агентами ее формирования, воспроизводства и изменения. Тривиальное теоретическое различие индивидуальных и коллективных социальных субъектов приводит к постановке нетривиальной задачи: дать теоретически релевантное описание процесса, в ходе которого из отдельных индивидов формируется коллективный субъект политического действия. Очевидно, что в интеракционистской парадигме процесс формирования коллективного субъекта можно одновременно осмысливать и как формирование политической (суб)культуры, и как процесс политической социализации разделяющих ее индивидов. В процессе формирования коллективного субъекта мы выделили три этапа [18, гл. 1].

Первый этап *освоения* человеком политической культуры и соприкосновения с политической жизнью происходит через политическую повседневность. Условно этот этап можно обозначить как латентный. Содержанием политической повседневности служит набор ситуативных социальных ролей, в которых протекает общественно-политическая жизнь индивида. Данный набор представлен поведенческими стандартами, которые являются необходимым условием социализации индивида в качестве гражданина. Человек осознает себя гражданином государства, будучи налогоплательщиком, избирателем, военно-обязанным и т.д., при этом он выполняет стандартные поведенческие процедуры, не особенно задумываясь над их назначением. По мнению В.Ю. Шпака и А.И. Пономаренко, «такие стандарты содержат в себе определенную апел-

* Мирошниченко Инна Валерьевна — канд. полит. наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: mirinna78@mail.ru.

ляцию к латентным представлениям о политической сфере жизни общества». Следуя поведенческим стандартам, индивид опирается на свои представления о том, зачем нужно платить налоги, голосовать на выборах, служить в армии [29, с. 32]. Тем самым он формирует свое первичное отношение к политической системе общества. Изначально такое отношение носит в большинстве случаев нерефлексивный характер, т. е. не осознается индивидом в ясной понятийной форме, однако отчетливо фиксирует оценочные «позитивные» или «негативные» ориентации.

Второй этап *включения и позиционирования* в политику связан с существованием различных социальных общностей и позиционированием по отношению к ним индивида. Политическая культура, по сравнению с другими видами культур, имеет более ограниченные возможности для индивидуализации. Человек активно вовлекается в общественную жизнь и в политику не в качестве изолированного индивида, но путем установления формальных и неформальных, социально-психологических связей с другими людьми, с группой. Он позиционирует себя, определяет, какое место в обществе занимает, усваивает набор социальных ролей, связанный с таким местом, формирует нормативно-оценочное отношение к своему положению.

Представления человека о себе, о своем месте в мире формируют модели индивидуального и группового поведения. Они определяют не только социальное позиционирование индивида, но и особенности политических институтов и структур гражданского общества, механизмы представительства интересов и характер политического участия, т.е. в конечном счете социальный климат в обществе. Основным же механизмом социальной идентификации — соотнесение личных интересов, ценностей и моделей поведения с интересами различных общностей, которые могут быть либо «своими», либо «чужими», либо проблематичными по своему характеру. Причем ввиду множественности социальных ролей, в которых выступает один и тот же человек, система самоидентификации всегда носит иерархический характер, и принципиальное значение имеет вопрос о том, в какой последовательности соотносят себя люди с различными общностями.

По мнению В.А. Ядова, с середины 1990-х гг. отмечается стабильное доминирование самоидентификаций с первичными группами и общностями над вторичными, отражающее уход людей в приватную жизнь, в насущные, повседневные заботы. Под первичными группами автор понимает группы повседневных практик, к которым он относит семью, друзей, представителей одного поколения или одной профессии, товарищей по работе. Под вторичными (воображаемыми или конструируемыми) общностями подразумеваются такие общности или группы, которые созданы в сознании людей средствами СМИ или межгрупповой коммуникацией. Вторичные общности составляют люди,

имеющие тот же достаток, национальность, взгляды, ориентации, интересы [30, с. 167–168].

В постсоветском российском обществе профессиональная идентификация, как показывают исследования, занимает одно из лидирующих мест [6, с. 78] на фоне утраты географических и гражданских статусов социальной идентичности россиян. Это объясняется стремлением человека в периоды острого кризиса восстановить свой жизненный мир сопричастностью близким, «своим». По социологическим данным, которые приводит Е.Н. Данилова, такая структура иерархии социальных идентификаций сохраняется и в 2000-е гг. [7, с. 361].

Формирование профессиональной идентичности тесно связано с профессиональной деятельностью и профессиональной социализацией человека, который большую часть общего времени в зрелом возрасте проводит на работе. Как показывают проведенные нами исследования, для большинства членов социально-профессиональных групп трудовой коллектив является «второй семьей», где обсуждаются и решаются не только профессиональные вопросы, но и личные, бытовые проблемы. Согласно данным опроса, полученным в результате реализации проекта «Томская инициатива», в 2001 г. работа по степени важности у россиян уступала лишь семье и дому среди различных сфер жизнедеятельности человека (см. таблицу) [2, с. 168].

Оценка важности различных сфер жизнедеятельности, %

Сферы жизнедеятельности	Очень важно
Семья, дом	87,5
Работа	72,9
Образование	59,2
Друзья и знакомые (круг общения)	57,8
Досуг, отдых, развлечения, спорт	36,3
Карьера	18,4

В процессе профессионального становления «происходит накопление фиксированных знаний и социальных регуляторов в данном профессиональном сообществе» [9, с. 184], что значительно влияет на восприятие и познание человеком мира, в том числе и политического [19]. Любая профессия, любая специальность как вид деятельности предъявляют к личности человека определенные требования, накладывают свой отпечаток на образ жизни работника и его облик. Особенности профессиональной деятельности ставят перед человеком одни и те же повторяющиеся задачи. Их ежедневное решение на протяжении длительного периода формируют не только определенные профессиональные знания, умения и навыки, но и профессиональные привычки, определенный склад мышления, столь же определенные качества личности [15, с. 115].

Кроме того, в каждой профессии особое значение придается различным личностным качествам, в том числе и моральным. Так, например, Р. Рюттингер [24] считает, что в качестве нормативных личностных характеристик в торговле рассматриваются высокая активность, дружелюбие, обаяние, коллективизм, решительность, чувство юмора. В бюрократической культуре (которая характерна для крупных стабильных фирм, некоторых банков и страховых фирм) общение носит церемониально-субординационный характер, соблюдаются правила и порядок, отношения формализованы и конформны. Сотрудники общаются друг с другом с осторожностью, бывают придирчивы и педантичны, проявляют покорность и адаптивность. В культуре инвестиций (присуща компаниям, ориентированным на будущее) во взаимоотношениях между сотрудниками ценится основательность, терпеливость, верность слову, большое значение придается профессионализму, опыту, творчеству.

Глубокое усвоение профессиональных нормативов и стереотипов дифференцирует и упорядочивает образ мира человека, определяет стиль его жизни. Речь идет о механизмах социального познания, суть которого заключается в построении человеком определенной картины мира, чьей частью осознает себя человек, где он живет и действует. Такого рода конструирование картины мира и процессы профессиональной социализации — необходимое условие для формирования профессиональных субкультур в обществе.

Формирование профессиональной субкультуры проецируется и на политический мир. Результатом этой проекции становятся формирование мировоззрения и усвоение типичных для данной среды нормативно-ценностных схем (образцов) поведения в сфере политики. Сами же схемы такого рода определяются механизмами идентификации и социализации, через которые индивид встраивается в политическую культуру существующего общества и тем самым включается в другой пласт — *институциональный*, в котором также осуществляется и неформальная институционализация субкультурных поведенческих образцов. В этой точке начинается третий этап формирования политической субкультуры.

Важно, что латентный этап и этап позиционирования предполагают субъективацию объективного в политике и политической культуре, т. е. усвоение человеком политического опыта, тогда как формально-институциональный этап формирования политической культуры предполагает, по словам Н.Н. Седых, «опредмечивание (объективизацию) субъективного (политического сознания) в определенных типах политического поведения и участия в реальных политических процессах» [25, с. 33]. Таким образом, интегрирование личности в *формально-институциональный пласт политической культуры общества* уже происходит в виде группового субъекта политики и непосредственно связано с его качественными характеристиками и уровнями реализации данной субъектности.

В контексте данной работы наибольший интерес в связи с групповым субъектом в политике представляет подход, основанный на профессиональном критерии, формирующий группировки людей по виду и характеру труда, профессиональному образованию и уровню квалификации. Как подтверждают результаты социологического мониторинга, проводимого Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) в период 1994–1999 гг., это обусловлено устойчивой стабильностью в российском обществе факторов социальной стратификации, которые связаны с местом работы и особенностями рыночной позиции актора, включая тип собственности предприятия, где он работает, и социально-профессиональную принадлежность [28].

Далее рассмотрим третий этап — производство политической субкультуры, который предполагает сформированность группового субъекта, проявляющуюся: 1) *в наличии устойчивых политических ориентаций и схем поведения у членов данной общности* и 2) *в групповых действиях в сфере политики*.

Устойчивые во времени политические ориентации и модели политического поведения, отличающиеся относительной однородностью среди членов социальной общности, ведут к институционализации субкультурных образований. Здесь «субкультура становится своего рода медиатором, посредником между индивидом и обществом и в таком виде представляет собой канал социализации, альтернативный традиционным институтам — семье, школе, церкви, — но не заменяющий их полностью» [27, с. 56]. Кроме того, субкультурная общность может являться потенциальным субъектом политики, которая обладает определенными ресурсами (капиталами), сформулированными потребностями и интересами, но не имеет внутренних (мобилизационного потенциала) или внешних оснований (условий, обстоятельств), которые могли бы способствовать политическим действиям. Действия социальных общностей в сфере политики способствуют превращению совокупности социальных агентов из *потенциального в реальный политический субъект*.

Теоретико-методологической посылкой данного утверждения является концепция габитуса П. Бурдьё. Габитус — это присущий каждому классу особый принцип конструирования социального пространства, который отличает его от других классов. П. Бурдьё трактует габитус как ансамбль схем классификации, позволяющий социальному агенту найти сходных с ним и отличающихся от него агентов, как чувство своей и чужой социальной позиции, позволяющее людям ориентироваться в социальной действительности. В то же время габитус как система усвоенных индивидуальными и коллективными агентами динамических стереотипов мышления и действия способствует освоению и преобразованию определенной социальной позиции. Ученый называет габитус «системой предрасположенностей» и «порождающей способностью» к производству схем восприятия, мышления и действия [5, с. 16, 20].

П. Бурдьё считает, что класс формируется благодаря образованию габитуса — сближению схем восприятия, оценки и действия у различных социальных агентов, занимающих сходную позицию в социальном пространстве на основе сходных условий жизни. Далее, габитус способствует превращению совокупности социальных агентов из потенциального в реальный класс. Чтобы близкие по условиям жизни агенты смогли образовать реальный класс, они должны не просто занять соответствующую позицию, но и мобилизоваться для борьбы за свои групповые интересы на основе определенной стратегии коллективного поведения. Мобилизация группы людей, объективно занимающих определенную позицию в социальном пространстве, зависит от степени их идентификации с этой позицией. Французский социолог отмечает, что недостаточно построить теоретическую (претендующую на объективность) классификацию действующих социальных агентов, нужно сопоставить ее с «классификацией, которую сами агенты производят непрерывно в их будничном существовании, с помощью чего они стремятся изменить свою позицию в объективной классификации или даже заменить сами принципы, согласно которым эта классификация осуществляется». Важно также учитывать социальную траекторию агента — «эволюцию его свойств во времени», которая «лежит в основе субъективных представлений об объективно занимаемой позиции» [4, с. 143]. Подход П. Бурдьё позволяет нам воспроизвести в политической теории то единство объективного (действий в сфере политики) и субъективного (политических установок), которое существует в политической практике.

Рассмотрев становление политических субкультур и формирование внутренних оснований для политической активности, переходим к становлению коллективного субъекта политического действия.

Действия социальной общности в сфере политики охватывают *партиципационный уровень (уровень участия и политических действий)* в формально-институциональном пласте политической культуры общества. Данный уровень характеризуется процессом становления социально-профессиональных групп в качестве активного субъекта политики. Становление ее реальным, действующим субъектом политических отношений, практически использующим свои ресурсы, чтобы внести изменения в характер функционирования государственной власти и управления, представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит от многих внутренних и внешних для группы причин. К внутренним причинам можно отнести сплоченность группы, способность к ее самоорганизации, социальному сближению ее членов; наличие в ней лидеров, способных объединить группу для решения определенных задач; наличие у группы многих нерешенных проблем; преобразование исходящих от принадлежащих к группе граждан социальных эмоций и ожиданий в четкие и определенные политические цели и требования (процесс артикуляции). В качестве примера такого субъектообразования рассмотрим шахтерское движе-

ние в Кузбассе в 1980-х гг. Принято считать, что шахтерские волнения этого периода носили стихийный характер: шахтеры протестовали против низких заработков, тяжелых условий труда и т.д. Однако внимательный анализ хода событий того времени в Кузбассе показывает, что это было хорошо организованное рабочее движение.

Первый секретарь Кемеровского обкома КПСС А.Г. Мельников, оценивая предзабастовочное состояние в Кузбассе, писал, что «лишенные материальной поддержки из госбюджета шахты дошли до „ручки“, не хватало элементарных полотенец, мыла, стирального порошка» [8, с. 332]. В таком состоянии находились многие шахты, но забастовки начинаются и на вполне благополучных Междуреченских угольных предприятиях в г. Осинники, поскольку там нашлись лидеры, способные организовать шахтеров для отстаивания своих интересов. Первые требования, которые предъявили рабочие своему руководству, касались увеличения расценок за выемку угля, оплаты в полном объеме работы в вечерние и ночные часы, увеличение размера премий и сокращение на 40 % управленческого персонала. Причем обращает на себя внимание упорное желание сократить численность инженерно-технических работников. Г.Т. Девяткин связывает это с тем, что у шахтерской массы был сформирован первичный образ врага в виде инженерно-технического состава. В шахтеры, наиболее отстающие в интеллектуальном и профессиональном плане слои рабочего класса, в течение многих десятилетий в значительной степени рекрутировались бывшие заключенные, Кузбасс долгое время был местом расселения заключенных [8, с. 332–333]. Поэтому образ врага через интеллигенцию отождествлялся и с существующей властью.

Весенние забастовки 1989 г. были своеобразной проверкой эффективности существования властей разного уровня. В этих условиях в июле 1989 г. была организована новая волна забастовок, более организованных и напористых. Результатом такого движения стало подписание Протокола о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Забастовки постепенно прекращаются, но появляется решение о переименовании регионального забастовочного комитета Кузбасса в Совет рабочих комитетов Кузбасса. То есть ставится задача постоянного давления на власть со стороны подобных образований. Конечным итогом политической активности шахтерского движения стало проведение своих депутатов в представительные органы власти в 1990 г. В областном Совете Кузбасса их оказалось 57 из 187 человек и 10 из 20 народных депутатов РСФСР от Кузбасса [8, с. 333].

К внешним причинам, оказывающим влияние на процесс становления социально-профессиональной группы как субъекта политических отношений, можно отнести: угрозы существования данной группы; политический кризис, который обостряет нерешенные проблемы в социуме; активность других (кон-

курентных, оппозиционных) социальных групп; избирательный процесс в государстве, регионе; международную обстановку и пр. Так, появлению и институционализации в США во второй половине XX в. социально-профессиональной группы политических консультантов способствовало снижение роли партий и усложнение механизмов взаимодействия между кандидатами и населением [17, с. 71]. А огромный интерес всей международной общественности к летним Олимпийским играм в Афинах (август 2004 г.) спровоцировал проведение массовых акций протеста греческими полицейскими, которые обеспечивали правопорядок в период подготовки и проведения спортивных мероприятий. Примечательно, что в течение 2003 г. весьма активны в действиях по организации забастовок были профессора греческих университетов и технологических институтов, которые предъявляли требования по увеличению заработной платы. Однако в период Олимпийских игр активизировались именно работники полиции, от которых зависела не только безопасность, но и престиж всего государства.

Деятельность социально-профессиональных групп может проявляться не только в представительстве политических партий и движений и идентификации с ними, но и посредством участия в избирательном процессе, в представительных органах государственной власти и местного самоуправления, а также в деятельности различного рода профсоюзов, лоббистских группировок, акциях протеста и абсентеизма. Возникает, выражаясь словами Д.А. Авдиенко, субполитика [1, с. 8]. Проявления подобного рода многообразны, например корпоративное вступление государственных служащих в ряды партии власти (объединение «Наш дом – Россия» и «Единая Россия») или отраслевое лоббирование бюджета, которое является инструментом в корпоративной, клановой борьбе отраслей и ведомств — шахтеры против металлургов, металлурги против энергетиков и т.д. Так, на одном из февральских 1994 г. совещаний Российской трехсторонней комиссии сидящие за одним столом лидер профсоюзов машиностроителей требовал снижения цен на продукты, а лидер аграрного профсоюза настаивал на снижении цен на продукцию машиностроения. Это явилось ярким примером совместной борьбы профсоюзов не за интересы рабочих, а за льготные условия своего существования [20, с. 34].

Особый случай субполитики — становление профессиональной группы лоббистов, которая формируется в России из публичных «политиков-отставников». При этом, по утверждению Е.В. Бельцевой, «с одной стороны, уходящие в отставку чиновники создают собственные лоббистские конторы (вероятно, именно такую контору намерен создать бывший премьер М. Касьянов, заявивший об организации собственной консалтинговой фирмы). С другой стороны, уже существующие конторы приглашают к себе на постоянную работу либо привлекают в качестве экспертов бывших чиновников или депутатов» [3, с. 41]. Например, «ради связей в высоких политических кругах» на рабо-

ту в «Газпром» приглашается бывший советник президента и вице-премьер В. Илюшин, в «Альфа-Банк» — бывший вице-премьер О. Сысуев, в международную фармацевтическую корпорацию ICN — бывший министр иностранных дел А. Козырев, в Монтажспецбанк — бывший председатель Госснаба СССР Л. Воронин [14, с. 345].

Таким образом, формы политического участия и политических действий достаточно разнообразны в своих проявлениях. Однако все многообразие на партиципационном уровне или уровне формирования субъекта политики можно объединить в два подуровня: *мобилизационный* и *политической институционализации субъекта политики*. *Мобилизационный подуровень* характеризуется *ситуативным* действием группового субъекта в определенных обстоятельствах для защиты собственных интересов или под внешним воздействием другого субъекта политики (*реактивная политизация*). *Подуровень политической институционализации группового субъекта* предполагает, во-первых, *формирование особых политических институтов и механизмов*, выражающих интересы субъекта, во-вторых, их *постоянную активность в сфере политики* (*постоянная политизация*).

Мобилизационный подуровень связан с таким понятием, как политическая мобилизация. Мобилизация социально-профессиональных групп в первую очередь является реактивной политизацией на возникновение какой-либо проблемы. С цепной реакцией сравнима серия забастовок, охватившая Международное сообщество авиадиспетчеров в последнее десятилетие, хотя стартовые условия и объективное положение работников в разных странах были различны. Так, 31 мая 1996 г. объявили забастовку авиадиспетчеры Словении. Спустя несколько часов правительство страны выступило с заявлением, в котором согласилось выполнить требования диспетчеров и повысить им зарплату на 25 %. 29 сентября 1997 г. в России была объявлена всеобщая забастовка авиадиспетчеров. Спустя час правительство согласилось погасить все задолженности по зарплате и проиндексировать выплаты авиадиспетчерам. 28 сентября 1999 г. прекратили работу авиадиспетчеры Чехии, протестуя против большого количества сверхурочных. Конфликт был улажен четыре дня спустя, после того как чешское Управление авиасообщения пообещало провести с каждым из авиадиспетчеров переговоры об улучшении условий труда. 1 февраля 1999 г. 250 авиадиспетчеров Финляндии потребовали от властей повышения зарплаты на 26 %, сократив обслуживание международных рейсов до 70 % и внутренних рейсов до 20 %. Забастовка продлилась пять недель и окончилась лишь после того, как департамент авиасообщения согласился повысить зарплату диспетчерам на 13 %. В декабре 1999 г. 23 авиадиспетчера 5 аэропортов Шотландии объявили о намерении начать забастовку, потребовав повышения зарплаты. 12 января 2000 г. руководство аэропортов согласилось на рекордное для Шотландии повышение зарплаты авиадиспетчерам — на 36 % [13].

Однако забастовки авиадиспетчеров касались удовлетворения не только экономических требований, но и затрагивали политические интересы. 19 июня 2002 г. воздушное сообщение над Европой оказалось парализованным, было отменено в общей сложности 1 100 рейсов, в забастовке приняли участие авиадиспетчеры Франции, Греции, Италии, Португалии, Испании и Венгрии. Бастующие выражали свое несогласие с проектом Евросоюза «Единое небо», цель которого — модернизация контроля за европейским пространством и унификация правил, регулирующих воздушное сообщение над Европой. Этот проект, по заявлению ЕС, позволил бы ежегодно экономить до 5 млрд евро. Между тем он неизбежно привел бы к сокращению числа рабочих мест и массовым увольнением авиадиспетчеров [10].

Мобилизация и структурирование социальных интересов социально-профессиональных групп в условиях нынешней российской действительности практически всегда носит протестный и защитный характер, а его требования адресованы в первую очередь государству. Очаговый протест на уровне группы предприятий, региона, отрасли может достичь высокого накала и трансформироваться в протест политический. Именно по такому сценарию развивались протестные акции российских горняков и работников оборонной промышленности в середине 1998 г. Последние в ходе манифестаций перед зданием Минобороны РФ потребовали не только выплаты задолженности по зарплате и реформы отрасли, но и смены курса реформ и всех представителей властных структур, являющихся вдохновителем этих реформ. Вместе с тем возможности выхода за рамки предприятия, региона, отрасли и перерастания в общенациональные движения на основе общих требований (невыплаты зарплат и пенсий, оспаривания результатов приватизации, возврата средств обманутым вкладчикам и т.п.) оставались нереализованными, в том числе в силу локального характера протеста, слабой политико-правовой проработки платформ протеста [21, с. 148].

Политическая активность защитного плана посредством мобилизации социально-профессиональных групп представляет собой преодоление «*порога необходимости*»¹ в формировании группового субъекта в политике, когда происходит осознание интересов и преодоление барьеров по их осуществлению [31, р. 53].

Процессы политического оформления и выдвижения (презентации) групповых интересов в сферу публичной власти, обуславливающие формирование особых институтов и механизмов, которые способны оказывать постоянное воздействие на государство в целях соответствующего общеколлективным потребностям перераспределения социальных статусов и ресурсов, составля-

¹ Термины «порог необходимости» и «порог зрелости» впервые были введены И.В. Пузыревым [23]. Мы в эти понятия вкладываем другой смысл и видим в них прежде всего институциональные характеристики.

ют содержание системы социального представительства. Основными элементами такой системы являются: источники и причины политического участия; процесс групповой самоорганизации; формирование представительных структур и их взаимодействие с властью. Последние представляют собой *подуровень политической институционализации группового субъекта*, которые в свою очередь преодолевают «порог зрелости».

Одним из элементов системы представительства социально-профессиональных групп, преодолевших «порог зрелости», является институт профсоюза. Мировой опыт представляет огромное разнообразие форм взаимодействия профсоюзов и государственной власти. Непосредственное участие профсоюзов и профлидеров в парламентской деятельности распространено в азиатских странах, например, в Сингапуре в парламент входят 16 профсоюзных представителей. В последние годы практика прямого участия профсоюзов в выборах и деятельности парламента прослеживается в некоторых странах Восточной Европы (Венгрии, Польше). Профдвижение Великобритании как коллективный член лейбористской партии имеет 40 % голосов при выдвижении его кандидатов на парламентских выборах. Во фракции затем создается особая профсоюзная группа. Похожие формы работы с парламентариями существуют и в странах, исторически связанных с Британией. В 1961 г. профсоюзы Канады создали Новую демократическую партию, в которую вступили союзы. Партия и сейчас пользуется поддержкой как на федеральном уровне, так и в провинциях. В Австралии, Новой Зеландии, Ирландии, Мальте используют различные формы работы с депутатами парламента, заимствованные у британцев. В США профсоюзы входят в систему прямого лоббирования. В Вашингтоне примерно треть всех официально зарегистрированных при конгрессе профессиональных лоббистов представляют профсоюзные органы различного уровня [22].

Современное профсоюзное движение в России, выражающее широкий круг интересов — интересов работников наемного труда, характеризуется синтезом «старого» и «нового». Особенности его нынешнего развития во многом предопределило отсутствие разрыва или даже размежевания с наследием советского прошлого. К положительным сторонам «наследия» относятся организационные структуры «старых» профсоюзов и огромная профсоюзная собственность. Однако разрушение властной вертикали дезориентировало бюрократическое профсоюзное руководство, в результате чего процесс интеграции профсоюзов в систему организованных интересов на макроуровне и в производственные отношения на микроуровне принял затяжной и болезненный характер.

В начале перестройки стали появляться альтернативные Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) профобъединения, организовавшиеся на отраслевой основе. Их число достигло, по некоторым оценкам, двухсот, при этом наиболее заметные позиции занимали Соцпроф (250 тыс. членов), Независимый профсоюз горняков (55 тыс. членов), Профсоюз авиадиспетче-

ров (5 тыс.), Ассоциация летного состава (30 тыс. членов). Отрасли и предприятия, где в той или иной мере смогли утвердиться альтернативные профсоюзы, характеризует «ярко выраженная профессиональная ценностная ориентация и специфическое положение в сфере производства (наличие технологических возможностей давления на другие производства)» [12, с. 54].

Тенденция формирования отраслевого или социально-профессионального представительства сохраняется и на уровне предпринимательских ассоциаций России. Уже в 1990-х гг. возникает ряд отраслевых союзов: Ассоциация российских банков, Лига содействия оборонным предприятиям, Международный союз металлургов. Международный союз строителей, Российская ассоциация промышленно-строительных банков, Российская гильдия риэлторов, Союз промышленников и лесоэкспортеров, Лазерная ассоциация, Союз нефтепромышленников, Ассоциация книгоиздателей и др.

Наиболее активно стали заявлять о себе ассоциации либо тех отраслей, которые объединяли наиболее крупные и влиятельные структуры — Союз нефтепромышленников, Ассоциация российских банков, либо тех, кто оказался в трудном положении и нуждался в коллективных действиях ради защиты интересов отрасли и ее ведущих структур, — Лига содействия оборонным предприятиям, Лазерная ассоциация [21, с. 131]. Например, Лазерная ассоциация взяла на себя обязанности по организации производства лазерной техники на государственном уровне. Особенно плодотворной оказалась деятельность ассоциации по налаживанию связей, в том числе с разработчиками и производителями лазерной техники и технологий дальнего зарубежья. Кроме того, Лазерная ассоциация активно взаимодействует с Министерством науки и технологии, Минобороны, а также с министерствами и ведомствами аналогичного профиля в странах СНГ [16, с. 6–7].

В целом же партисипационный уровень формально-институционального пласта политической культуры общества представлен множеством форм проявления политической субъектности, которые сводимы к определению: политические субъекты — это силы, принимающие активное и целенаправленное участие в политике, вызывающие своей деятельностью объективирующие последствия. Однако, как писал В.С. Соловьев, субъектом развития не может быть ни безусловно простая субстанция, ни механическое внешнее соединение элементов, им может быть «только единое существо, содержащее в себе множественность элементов, внутренне между собой связанных» [26, с. 141]. Основой для формирования группового субъекта в политике выступают субкультурные образования, образующие поля-структуры не только в общественном порядке страны, но и в ее политической системе. Как считает М. Кастельс, в мире сохраняется стремление людей к локальным жизненным интересам, социально-профессиональным, этническим и иным коллективным формам привязанностей, производящих ценности групповой солидарности и пытающихся при этом со-

хранить как прежние социокультурные традиции (например, тягу к обособлению и самоутверждению), так и новые аналогичные настроения, возникающие в процессе социальной (информационной, политической и иной) стратификации социума [11, с. 13]. Политические субкультуры адаптируют локальный мир общности к политической системе общества и участвуют в воспроизводстве национальной политической культуры.

Библиографический список

1. *Авдиенко Д.А.* Политические практики в условиях российского демократического транзита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. 2002. Вып.2.
2. Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии, символы, мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
3. *Бельцева Е.Б.* Механизм функционирования лоббистской деятельности в политических институтах современной России // Власть. 2006. №4.
4. *Бурдые П.* Социология политики М.: Socio-Logos, 1993.
5. *Бурдые П.* Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдые. Гидденс. Хабермас. Новосибирск: НГУ, 1995.
6. *Данилова Е.Н.* Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
7. *Данилова Е.Н.* Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта, 2005.
8. *Девяткин Г.Т.* Место рабочего класса Кузбасса в общественно-политических преобразованиях в конце 80–90-х гг. XX в. // Классы и социальные группы в судьбах России: Матер. 32-й Всерос. заочной науч. конф. СПб.: Нестор, 2003.
9. *Ермолаева Е.П.* Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4.
10. Известия. 2002. 22 дек.
11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
12. *Комаровский В.* Особенности профсоюзов как общественного института // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.
13. Коммерсант. 2002. 26 дек.
14. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Изд-во Захаров, 2005.
15. *Кукосян О.Г.* Избранные труды. Кн. 4: Проблемы психологии общения, социальной перцепции. Краснодар: КубГУ, 2002.
16. Лазер-информ. 1997. Декабрь.
17. *Марченко Г.И.* Социологический портрет политических консультантов в США // Социс. 2005. № 5.
18. *Мирошниченко И.В.* Политическая культура социально-профессиональных групп. Дис. ... канд. полит. наук. Краснодар: КубГУ, 2004.
19. *Мирошниченко И.В.* Модели политического поведения социально-профессиональных групп // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 2.

20. *Островский Д.И.* Особенности формирования групповых интересов в современной России // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1.
21. *Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С.* Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал ЭРСС, 1999.
22. Профсоюзы. 2001. № 6.
23. *Пузырев И.В.* Российские банки как субъекты политики: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1999.
24. *Рюттингер Р.* Культура предпринимательства. М.: Экономика, 1992.
25. *Седых Н.Н.* Динамика политической культуры: социально-философский взгляд // Власть. 2003. № 7.
26. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2.
27. *Тавашев В.А.* Политическая субкультура: Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1996.
28. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
29. *Шпак В.Ю., Пономаренко А.И.* Социальные механизмы и уровни самореализации личности в политике // Философия права. 2001. № 2.
30. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3/4.
31. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading: Addison-Wesley, 1978.